

**Башня, что
глотает рассвет**

Александр Восьмой

Александр Восьмой

Башня, что глотает рассвет

«Автор»

2026

Восьмой А.

Башня, что глотает рассвет / А. Восьмой — «Автор», 2026

Башня, что глотает рассвет. Эпичная сага о гигантской башне, пронзающей облака: её залы вмещают целые города, а коридоры ведут сквозь эпохи. Герой ищет путь наверх, где, по легендам, хранится сила, способная перекроить карту мира. Масштаб площадей ошеломляет — на одном этаже умещается сто тысяч воинов, а тень башни покрывает три провинции.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Башня, что глотает рассвет

Глава 1. «Тень, накрывшая три провинции»

Рассвет не пришёл.

Он просто исчез — стёрся, будто кто-то провёл по небу ладонью, стирая золото и алый. Вместо него над горизонтом нависла громада, которую нельзя было назвать зданием: это была рана в мире, пронзившая небо. Башня. Та самая, что глотает рассвет.

Кай стоял на гребне холма, и земля под его сапогами дрожала не от ветра — от масштаба. Тень башни ползла по равнине, как живое существо, заглатывая поля, дороги, деревни. Она накрыла три провинции разом, и там, где она касалась земли, воздух становился густым, почти вязким, словно дыхание мира замедлилось, чтобы не потревожить эту громаду.

Внизу, у подножия, раскинулась площадь — не просто площадь, а исполинский амфитеатр, вырубленный в скале и вымощенный чёрным камнем, который не отражал свет, а поглощал его. На ней кипел хаос, но хаос упорядоченный, как в муравейнике перед бурей. Беженцы в потрёпанных плащах сбивались в кучки, шёпотом передавая друг другу одни и те же слова: «Она дышит», «Она выбирает», «Тот, кто войдёт, уже не будет прежним». Торговцы, чьи лавки были сколочены из обломков старых домов, предлагали амулеты, заговоренные от «взгляда башни», и фляги с водой, якобы собранной в её тени. Наёмники в тяжёлых доспехах, с мечами, покрытыми рунами, стояли группами, переговариваясь вполголоса, и их взгляды то и дело скользили вверх, туда, где башня терялась в облаках, будто растворялась в них.

Кай сжал кулаки, чувствуя, как холод пробирается под кожу. Он слышал легенду ещё в детстве, в своей маленькой деревне на окраине средней провинции: на вершине башни хранится сила, способная перекроить карту мира, изменить судьбы народов, стереть границы и возвести новые. Но цена за неё была страшной — башня не отдавала ничего даром. Она брала часть души, часть памяти, часть того, кем ты был. Говорили, что каждый этаж — это испытание, каждый коридор — ловушка, а залы настолько велики, что в них можно заблудиться навсегда, даже если идти прямо.

— Ты всерьёз думаешь войти? — голос прозвучал рядом, низкий и хриплый. Кай обернулся. Рядом стоял старик в потрёпанном плаще, с посохом, навершие которого было выточено в форме глаза. — Я видел, как уходили сотни. Возвращались единицы. И те... они уже не помнили своих имён.

Кай не ответил. Он просто смотрел на врата — массивные, высотой с три дома, сложенные из чёрного камня, испещрённого рунами, которые, казалось, двигались, если на них долго смотреть. Воздух перед ними густел, словно вода, и каждый вдох давался тяжелее. Камни у основания действительно дышали — едва заметно, но достаточно, чтобы почувствовать вибрацию через подошвы сапог.

Площадь гудела, шептала, стонала. Где-то вдаль закричала женщина, и крик потонул в общем гуле, как капля в океане. Ветер, который должен был гнать облака, обтекал башню, будто боялся коснуться её стен.

Кай сделал шаг. Потом ещё один. И ещё.

Тень накрыла его целиком, и на мгновение мир исчез. Не стало ни площади, ни людей, ни старика с посохом — только башня, её тяжесть, её молчание, её ожидание.

Когда он подошёл к вратам, руны вспыхнули тусклым багровым светом, будто проснулись от долгого сна. Кай положил ладонь на холодный камень. Вибрация прошла по руке, по груди, по всему телу, как удар сердца гиганта.

— Я иду, — прошептал он, и его голос утонул в тишине, которая была громче любого крика.

Врата медленно, с тяжёлым скрежетом, начали открываться, обнажая тьму, в которой мерцали огоньки — не звёзды, не факелы, а что-то иное, чужое, древнее.

Кай шагнул вперёд.

И тень башни накрыла его окончательно.

Глава 2. «Врата, что не знают имён»

Врата закрылись за спиной Кая с таким звуком, будто рухнуло само небо — тяжёлый, глухой удар, от которого содрогнулась земля и на миг погасли даже мерцающие огоньки в темноте. Но тишина не наступила. Вместо неё пришёл голос — не из уст, не из горла, а из самой толщи камня, из трещин, из рун, из воздуха, ставшего плотным, как застывший мёд.

— Ты пришёл за силой? — спросил голос, и эхо повторило его трижды, но каждый раз чуть иначе: «Ты пришёл... за силой...», «Ты пришёл за... силой...», «...пришёл за силой».

Кай стоял перед второй преградой — не створками, а монолитом, в котором не было ни петель, ни щелей, ни намёка на проход. И всё же он знал: врата здесь. Просто они не открывались железом, не поддавались ударам и не слушались приказов. Они откликались только на вопрос, который рождался не в разуме, а в сердце — на тот, что разрывал грудь и заставлял дрожать пальцы.

— Я пришёл, чтобы не дать миру сломаться, — наконец произнёс Кай, и его голос прозвучал слишком тихо в этом гигантском пространстве.

Монолит не дрогнул. Эхо не повторило. Вместо этого из глубины камня поднялся шёпот — но не его слова, а его страхи, выхваченные из памяти и выставленные напоказ.

«А если ты не справишься?» — прошептал первый голос, похожий на голос его матери, когда она смотрела на него в последний раз, зная, что он уйдёт.

«А если сила тебя погубит?» — прокрипел второй, напоминая о том, как в детстве он уронил факел и поджёг сарай, едва не погубив деревню.

«А если всё, что ты делаешь, — это бегство от себя?» — прошипел третий, самый тихий, самый ядовитый, тот, что жил в нём дольше всех.

Страж-эхо не нападал клинком и не метал молнии. Он был тоньше стали и острее любого лезвия: он заставлял слышать то, что Кай прятал даже от самого себя.

Кай сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Его трясло — не от холода, а от того, как близко подступили тени прошлого. Он мог развернуться. Мог выбежать обратно, пока врата ещё помнили его шаг. Мог сказать, что это не его битва, что сила нужна другим, тем, кто чище, смелее, достойнее.

Но тогда тень башни продолжала бы ползти, накрывая провинции, стирая рассветы, превращая людей в шёпот у её подножия.

— Да, я боюсь, — вдруг сказал Кай, и на этот раз его голос не утонул в тишине. Напротив, он будто ударил по ней, как молот по наковальне. — Я боюсь не справиться. Боюсь стать тем, кого сам не узнаю. Но я не уйду. Потому что если не я, то кто?

Руны на монолите вспыхнули тусклым, болезненно-фиолетовым светом. Камень задрожал, и в его центре медленно, неохотно, начала раскрываться трещина, превращаясь в арку. Врата не открылись — они родились из признания, из правды, которую Кай не стал прятать.

Он шагнул вперёд — и оказался не в зале и не в коридоре. Он оказался на площади, которая не имела границ. Она была бесконечной и в то же время сжатой до точки — как воспоминание, которое давит на грудь, не давая дышать.

Площадь была вымощена плитами, но каждая плита светила изнутри, пульсируя, как живое сердце. И стоило Каю ступить на одну из них, как перед ним вспыхивала чужая судьба: старик, который отдал свой хлеб ребёнку и умер от голода; воин, который предал командира,

чтобы спасти семью, и не смог жить с этим; девочка, которая нашла в руинах куклу и смеялась, не зная, что город уже обречён.

Каждый шаг пробуждал память. Каждый шаг заставлял Кая видеть то, чего он не должен был видеть, чувствовать то, чего не должен был чувствовать. Он шёл, и слёзы застилали глаза, но он не останавливался. Потому что знал: если он остановится, воспоминания поглотят его, и он станет лишь ещё одной плитой на этой бесконечной площади.

Ветер здесь не дул — он стонал, перебирая воспоминания, как страницы старой книги. Где-то вдаль, на горизонте, который не был горизонтом, поднималась спираль лестницы, уходящей вверх, сквозь этажи, сквозь эпохи. Она манила и пугала одновременно, обещая ответы и грозя стереть всё, что делало Кая собой.

Наконец, впереди, в центре площади, он увидел фигуру — не человека, не духа, а сгусток света и тени, держащий в руках чашу, наполненную не водой, а отражениями.

— Ты прошёл врата, что не знают имён, — прозвучал голос без голоса. — Но помни: чем выше ты поднимаешься, тем громче будут шептать твои страхи. Башня не берёт силу — она показывает, сколько её у тебя осталось.

Кай кивнул, не пытаясь найти слова. Он уже понял: путь наверх — это не битва с врагами. Это битва с тем, что живёт внутри.

И он сделал ещё один шаг — туда, где лестница исчезала в сиянии, слишком ярком, чтобы быть просто светом.

Глава 3. «Площадь Тысячи Эпох»

Площадь не знала границ — она не заканчивалась ни у стен, ни у горизонта, потому что её границы были не в пространстве, а во времени. Кай стоял на краю и не мог оторвать взгляд: перед ним раскинулся не просто зал, а слоёный мир, где эпохи накладывались друг на друга, как страницы разорванной книги, брошенной в вихрь.

Слева, в клубах пыли, отряд всадников в чешуйчатых доспехах рубил воздух клинками, которые звенели так, будто металл помнил каждую битву, в которой побывал. Справа, сквозь полупрозрачную дымку, шагали фигуры в гладких серебристых костюмах — их лица скрывали маски, а в глазах мерцали холодные огоньки дисплеев. Между ними, будто не замечая ни прошлого, ни будущего, торговец в потрёпанной накидке раскладывал на прилавке фрукты, пахнущие корицей и дождём, и что-то бормотал себе под нос.

Воздух здесь был тяжёлым от чужих воспоминаний. Каждый вдох приносил обрывки звуков: рёв труб, шипение лазеров, детский смех, скрежет металла, шёпот молитв. Площадь жила сразу всеми временами, и каждое время тянуло Кая в свою сторону, словно проверяя, за какую нить он схватится.

Он двинулся вперёд, стараясь не смотреть на лица — слишком легко было утонуть в чужих судьбах. Мимо пронёсся отряд лучников, чьи стрелы растворялись в воздухе, не долетая до цели; рядом женщина в длинном платье тихо пела песню, которую Кай слышал в детстве, но здесь она звучала иначе — будто её спел кто-то другой, с другой болью.

Ему нужен был проводник. Тот, кто не потеряется в этом хаосе. Тот, кто знает, как пройти сквозь время, не растворившись в нём.

И он нашёл его в самом центре площади — там, где сходились все дороги, где тени становились гуще, а свет — мягче. Старик сидел на каменном постаменте, скрестив ноги, его глаза были закрыты, а пальцы перебирали бусины чётка, каждая из которых, казалось, хранила целую жизнь. Он не смотрел на Кая — но знал, что тот здесь.

— Ты ищешь путь наверх, — произнёс старик, не открывая глаз. Его голос был спокоен, но в нём слышался гул столетий. — Но башня не растёт вверх. Она собирает время. Каждый этаж — это не высота, это выбор, который мир когда-то сделал и теперь не может забыть.

Кай остановился перед ним, чувствуя, как дрожит земля под ногами — не от шагов, а от веса эпох.

— Я должен добраться до вершины, — сказал он. — Там сила, способная перекроить карту мира.

Старик усмехнулся — не насмешливо, а с грустью, будто слышал эту фразу тысячу раз.

— Сила не меняет карту, мальчик. Она меняет того, кто на неё смотрит. И башня знает это лучше всех.

Кай сжал кулаки, пытаясь удержать в голове одну простую мысль: подняться.

— Как мне пройти дальше? — спросил он. — Где лестница? Где путь?

Старик медленно поднял руку и указал в никуда — одновременно во все стороны.

— Вверх идут не ногами, а выбором, — произнёс он. — Каждый шаг здесь — это ответ на вопрос, который ты боишься задать. Пройдёшь мимо воина — выберешь бегство. Остановишься рядом с человеком из будущего — примешь холод технологий. А если коснёшься прилавка торговца — возможно, найдёшь путь через простое человеческое тепло. Башня не спрашивает, кто ты. Она спрашивает, кем ты готов стать.

Кай огляделся. Вокруг кипела жизнь разных времён, и каждый миг предлагал ему новую дорогу. Он видел, как девочка из прошлого протягивала цветок, как солдат из другой эпохи сжимал рукоять меча, как человек в серебристом костюме смотрел прямо сквозь него, будто Кай был лишь помехой на экране.

— А если я выберу неправильно? — тихо спросил он.

Старик наконец приоткрыл глаза — они были молочно-белыми, слепыми, но видели куда больше, чем обычные.

— Неправильного выбора здесь нет, — ответил он. — Есть только тот, который изменит тебя. И башня ждёт именно этого.

Ветер, который не был ветром, пронёсся над площадью, перелистывая эпохи, как страницы. Где-то вдали, в мерцающей дымке, начала проявляться лестница — не из камня и не из металла, а из света и теней, из воспоминаний и решений. Она не стояла на месте: она двигалась, менялась, подстраивалась под того, кто хотел подняться.

Кай сделал шаг — и площадь отозвалась эхом тысячи голосов, будто благословляя или предупреждая. Он не знал, какой выбор сделает через мгновение, но понимал: именно этот выбор и станет его дорогой наверх.

Он посмотрел на старика, который уже снова закрыл глаза и шептал что-то, похожее на молитву или заклинание.

— Спасибо, — сказал Кай.

Старик едва заметно кивнул.

— Помни: башня не ведёт. Она позволяет идти.

Кай повернулся к лестнице, которая ждала его, пульсируя светом, и сделал ещё один шаг — туда, где прошлое, настоящее и будущее сливались в одну дорогу.

Площадь Тысячи Эпох осталась позади, но её шёпот всё ещё звучал в его ушах, напоминая: каждый шаг — это выбор. И каждый выбор — это путь наверх.

Глава 4. «Коридор, ведущий сквозь годы»

Коридор не начинался дверью и не заканчивался стеной — он просто возникал, будто сама башня решила показать Каю ещё одну свою грань. Он уходил вперёд настолько далеко, что даже взгляд не мог дотянуться до конца: прямая линия, выточенная из чёрного камня, по бокам которой тянулись бесконечные арки, а над головой нависал свод, терявшийся в полумраке. Говорили, что путь по нему занимает целый день — но не обычный день, а такой, где время течёт иначе, где каждый шаг — это прыжок через эпохи.

Кай вошёл, и первый же вдох оказался чужим: воздух пах ладаном, смолой и пылью, словно он стоял посреди древнего храма, где жрецы ещё шептали молитвы богам, которых давно забыли. Через сто шагов запах сменился — теперь в нём чувствовался озон, раскалённый металл и горечь пластика: впереди, сквозь мерцающую пелену, проступали руины мегаполиса, где небоскрёбы лежали, как поваленные костяшки домино, а между ними тянулись провода, всё ещё искрящиеся остатками энергии. Ещё сто шагов — и снова сдвиг: теперь под ногами хрустели осколки стекла, а впереди темнели остатки футуристических конструкций, будто кто-то пытался построить город из света и проиграл.

Каждые сто шагов — новая эпоха, новый мир, новая версия реальности, прижатая к стенам коридора, как страницы в книге, которую листает невидимая рука. И чем дальше шёл Кай, тем тяжелее становилось дышать: время здесь не просто менялось — оно давило, требовало признать себя частью каждого из этих миров.

И тут он увидел их.

Отражения. Не просто тени, не просто игру света — а самого себя, только из других времён.

Первый стоял в доспехах древнего воина, с мечом, потемневшим от крови и времени. Его глаза были холодны, а голос звучал, как лязг стали:

— Ты думаешь, сила — это подняться выше? Сила — это остаться здесь, защищать то, что есть. Уходи назад. Здесь твоё место.

Второй был в форме офицера из разрушенного мегаполиса: строгий, уставший, с лицом, покрытым копотью. Он смотрел на Кая так, будто видел в нём ошибку, которую нужно исправить:

— Вверх — это иллюзия. Там нет ничего, кроме пустоты. Ты не спасёшь мир. Ты только разрушишь себя. Остановись.

Третий — юный, почти мальчик, в простой одежде, с горящими глазами и дрожащими руками. Он шептал, будто боялся, что его услышат:

— Если ты пойдёшь дальше, ты забудешь нас. Забудешь, ради чего начинал. Пожалуйста, не становись тем, кто смотрит сверху и не видит лиц.

Они не бросались на него с оружием. Им не нужно было. Их слова били точнее любого клинка, потому что говорили то, что Кай прятал даже от себя: сомнения, страхи, вину.

— Я не отказываюсь от того, кем был, — твёрдо произнёс Кай, глядя на все три отражения сразу. — Но я не могу остаться. Потому что если я не поднимусь, тень башни накроет ещё больше провинций. Она уже глотает рассветы. Кто-то должен дойти до вершины.

Воин в доспехах чуть склонил голову, будто признал правоту, но в его взгляде осталась печаль. Офицер вздохнул, и на мгновение в его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение. А мальчик просто кивнул, как будто услышал то, что хотел услышать, и растворился в воздухе, оставив после себя лишь лёгкий запах дождя.

Остальные отражения тоже начали таять, уступая место следующему отрезку коридора. Кай двинулся дальше, чувствуя, как пульс стучит в висках, а сердце бьётся в такт с чем-то большим, чем просто его тело.

В конце коридора, там, где свет становился не белым, а золотисто-багровым, будто впитавшим в себя все закаты мира, он увидел его.

Ключ-камень.

Он лежал на пьедестале из тёмного металла, не сияя, а пульсируя — ровно, размеренно, в такт ударам сердца Кая. Казалось, камень не просто реагировал на его присутствие — он ждал его. Кай протянул руку, и камень отозвался лёгким теплом, будто узнал его.

Когда Кай коснулся его, пространство вокруг замерло. На мгновение коридор перестал быть коридором — он стал панорамой всех эпох сразу: Кай видел храмы, руины, города, которые ещё не были построены, и дороги, по которым никто никогда не пройдёт. И в этом мгновении он понял: ключ не откроет дверь. Он станет частью выбора.

«Вверх идут не ногами, а выбором», — вспомнились слова слепого старика.

Кай сжал ключ-камень в ладони. Тот отозвался пульсацией, которая прошла сквозь пальцы, руку, грудь — и будто соединила его со всей башней, с каждым её этажом, с каждой секундой, которую она поглотила.

Где-то впереди, за пределами коридора, начала проявляться новая лестница — не из камня, не из металла, а из света, который не слепил, а звал. Она не была прямой: она извивалась, поднималась, исчезала и появлялась снова, будто сама реальность не знала, как правильно вести вверх.

Кай сделал шаг к ней.

Коридор, ведущий сквозь годы, остался позади, но его эхо звучало в каждом ударе сердца. Теперь Кай знал: путь вверх — это не просто движение вверх. Это признание того, кем ты был, кем ты стал и кем ты готов стать.

И он был готов идти дальше.

Глава 5. «Зал, где города умещаются в ладонях»

Кай шагнул в зал — и мир исчез.

Не растворился, не померк, а просто сжался до крошечных точек света, разбросанных по каменным плитам, словно кто-то вытряхнул на пол целую вселенную. Купол над головой терялся в непроглядной тьме — настолько высокой была эта комната, что даже взгляд не мог дотянуться до её вершины. Казалось, будто башня здесь не просто росла вверх — она растягивала само пространство, чтобы вместить то, что не должно помещаться нигде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.